

Л. Джонг Хён

Сеульский государственный университет, Республика Корея

**«Иметь бездушную куклу»:
опыт перевода повести М. Кузмина «Крылья»
на корейский язык**

В ноябре 2021 года в сеульском издательстве QQ вышла в свет повесть М. А. Кузмина «Крылья» в корейском переводе.¹ Она уже с 1970-х годов была переведена на европейские языки, но данная корейская версия заслуживает внимания тем, что повесть, принесшая автору прозвище «русский Уайльд», впервые была издана на Востоке. До ее появления корейские читатели успели познакомиться с его двумя стихотворениями и пьесой «Венецианские безумцы», эти произведения включены либо в антологию, либо в сборник.² Хотя для более полного понимания творчества Кузмина как прозаика, так и поэта необходимы еще его прозаические произведения и книги стихов в переводе, отдельное издание «Крыльев» позволило углубить представление корейской аудитории о русском модернизме.

Однако это отнюдь не означает, что Кузмин как одна из ярчайших личностей серебряного века воплощается в сознании корейских читателей таким, каким он был воспринят в русской культуре. Тем более, в самой повести, интересующей нас в данном сообщении, концепция перевода подвергается критике и обесценивается как второстепенный, неживой и искусственный артефакт. Читаем следующие слова Л. Д. Штрупа, одного из главных героев повести: «Вместо человека из плоти и крови, смеющегося или хмурого, которого можно любить, целовать, ненавидеть, в котором видна кровь, переливающаяся в жилах, и естественная грация нагого тела, — иметь бездушную куклу, часто сделанную руками ремесленника, — вот

переводы».³ Иначе говоря, всякий перевод по своему экзистенциальному статусу лишен жизненности, не говоря уж о художественности.

Тут напрашивается такая мысль: неужели невозможно «любить, целовать, ненавидеть» «бездушную куклу»? (Безусловно, речь не идет о фетишизме фрейдистского толка). Если можно, каким образом корейцы «любят», «целуют», «ненавидят» «Крылья» как «бездушную куклу», сделанную «руками» переводчика? И какими переводческими и редакционными решениями определяется читательское отношение к переводной литературе вообще, к повести Кузмина в частности? Я, к своему сожалению, не являюсь переводоведом, а лишь с малым знанием русского языка стал переводить художественную литературу, так что не владею навыком разбирать переводоведческие проблемы и научным языком их описывать. Поэтому в данной статье попытаюсь поделиться своим впечатлением от работы над переводом повести Кузмина.

Для начала рассмотрим, как отреагировали читатели на появление корейских «Крыльев». После издания книги проводились две очных презентации в независимых книжных магазинах («Рабле», «Боанчэкбан»⁴) и один вебинар в протестантской организации «Муджигэ Шинхаккё»,⁵ которая поддерживает различные группы социальных меньшинств. На этих мероприятиях я выступал в качестве переводчика и русиста, рассуждал о некоторых моментах из истории русской литературы, связанных с квир-сообществом: от шуточных стихов Пушкина до сборника Е. В. Харитоновой «Слезы на цветах». При этом кратко намечалось значение Кузмина в литературном процессе начала XX века и его наследия для современной русской литературы. Вместе с этим, показывался отрывок из спектакля «Форель разбивает лёд», поставленный по одноименному циклу Кузмина в 2017 году в Гоголь-центре. На каждой встрече собиралось человек 20, после моего выступления они задавали вопросы о русской литературе и гендерной ситуации в России.

Отмечу некоторые интересные реплики, прозвучавшие на презентации книги. Во-первых, некоторых участников интересовало следующее: почему в повести многим мужчинам приписываются красивая внешность и высокая образованность, а женщины обрисованы как безобразные существа? В ходе обсуждения данный вопрос развился в проблему женоненавистничества в творчестве Кузмина.

Во-вторых, был поставлен вопрос о художественной лесбийской литературе в России. Это, мне кажется, было обусловлено тем, что большинство участников составляли женщины. Наконец, прозвучало мнение, что кузминские «Крылья» вполне напоминают фильм 2017 года «Назови меня своим именем», в котором 17-летний подросток влюбляется в мужчину. Даже редактор издательства QQ не раз выражал желание, чтобы герой Кузмина был воспринят как «русский Элио» (Элио — имя главного героя выше названного фильма). Более того, после знакомства со стихотворениями из книги «Форель разбивает лед» участники просили издать последнюю книгу стихов Кузмина на корейском языке.

Подобные мнения наблюдаются и в социальных сетях, но здесь реплики носят более личный характер. В повседневную жизнь пользователей Твиттера вкраплена книжка Кузмина как значительный факт: читают ее во время самоизоляции, и по дороге на работу. Весьма интересен твит читателя, живущего в провинции. Он прилетает в Сеул, чтобы поучаствовать в презентации книги, при этом отождествляет себя с Ваней, который тоже приехал из далекого «дома» в Петербург. В его фотографии привлекает к себе внимание сопоставление рук, подражающих крыльям на обложке, со знаком вылета. И другой пользователь твиттера узнает себя в образе Вани, вспоминая свое нелегкое детство.

Не менее интересно, что книга Кузмина приобретает значимость в сознании корейских читателей с точки зрения имагологии. Прежде всего, повесть о русском подростке и серо-синяя обложка вызывают образ снега. Пользователь Инстаграма рекомендует «Крылья» как идеальную книгу для чтения в снежную погоду. (Действительно, в Корее зимой снег идет нередко). Однако в кузминской повести отсутствует сцена с вьюгой или метелью. В противоположность этому критик, прославленный своим коротким твитом о литературе, относит главную мысль книги к философии любви и чувствительной красоты, цитируя слова Штрупа: «И люди увидели, что всякая красота, всякая любовь — от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья». ⁶ Таким образом, читательское отношение к повести определяется не только русской культуремой, но и древнегреческой.

Следует отметить, что ориентация Кузмина на античность в то же время препятствует восприятию его творчества неопытным чи-

тателем. Инфлюенсер Инстаграма, у которого больше 12000 подписчиков, замечает так: «Вполне понятно, что в России 1906 г<ода> <имеется в виду первая публикации в журнале «Весь» (№ 11). — Л. Д. Х.> намеки на гомосексуальность могли быть выражены только через греческие традиции, но это требует от меня огромного труда». Это отображено в количестве звездочек, которое является критерием своеобразной оценки книги: максимальный индекс — пять, а он дал «Крыльям» три.

Итак, различным образом корейские читатели «любят», даже «целуют» книжку Кузмина. Тем более, иногда не то, что «ненавидят», а ставят «строгую» оценку «бездушной кукле».

Перейду ко второму вопросу: какие переводческие и редакционные решения были предприняты?

В начале перевода «Крыльев» у меня было намерение перевести еще «Занавешенные картинки», и собрать более или менее сексуально «скромную» повесть и почти порнографический цикл в одной книге. Однако главный редактор издательства хотел, как я упомянул выше, подчеркнуть «платоничность» любви Вани и Штрупа, отказался от моей затеи. Позже на презентации книги оказалось, что некоторые участники ожидали более броской сцены от романа мальчика с мужчиной.

Можно с уверенностью сказать, что издание «Занавешенных картинок» могло бы полностью изменить представление у корейцев о русской литературе, которая с начала прошлого века всегда воспринималась загруженной философской и богословской мыслью.

Второй момент касается взаимоотношения редактора и переводчика. Поскольку редактор не владеет русским языком, ему приходилось сравнивать мой перевод с английской и французской версиями. Это способствовало подходу к различным толкованиям кузминского оригинала и поиску более подходящего выражения на корейском языке. Всегда на переводчика действует притягательная сила русского оригинала, за счет которого нередко корейский язык искажается. К примеру, приведу предложение из первой части: «И он был несколько разочарован, хотя и знал это раньше, что в Петербург въезжают не сразу в центр дворцов и больших строений при народе, солнце, военной музыке, через большую арку, а тянутся длинные огороды, видные через серые заборы, кладбища, позади казавшиеся

романтическими рощами, шестиэтажные промозглые дома рабочих среди деревянных развалюшек, через дым и копоть».⁷

Поначалу я переводил «большую арку» буквально на корейский, но редактор предлагал заменить это слово «триумфальной аркой» подобно французскому переводу. Причина этому заключается в том, что лишь «большая арка» в корейском языке не производит эффектов, которые добиваются в сравнении воображенной Ваней торжественной сцены с убогим пейзажем пригорода. Согласно предложению редактора, я заменил «большую арку» на «триумфальную арку», в результате чего получился контраст между ожиданием и действительностью.

Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что эта маленькая книжка содержит в себе больше примечаний, чем такие многотомные романы как «Преступление и наказание» или «Анна Каренина». Это вытекает из того, что у Кузмина в репликах героев часто бывает весьма много информации, требующей для понимания глубокого знания истории культуры. В качестве примера можно привести следующий абзац: «Никого особенно не удивило, что Штруп между прочими увлечениями стал заниматься и русской стариной; что к нему стали ходить то речистые в немецком платье, то старые «от божества» в длиннополых полукафтанах, но одинаково плутоватые торговцы с рукописями, иконами, старинными материями, поддельным литьем; что он стал интересоваться древним пением, читать Смоленского, Разумовского и Металлова, ходить иногда слушать пение на Николаевскую и, наконец, сам, под руководством какого-то рябого певчего, выучивать крюки».⁸

На странице перевода данного абзаца представляются обширные примечания о Смоленском, Разумовском, Металлове, Никольской единоверческой церкви, крюках и т. д. Можно было бы не комментировать упоминание исторических лиц и мест в Петербурге, но перекладывать поиск о них на плечи читателя показалось безответственным. С одной стороны, подобного рода сведения исторических реалий часто не даются на корейском языке, а с другой — в этом случае содержательные примечания не столько препятствуют художественному чтению, сколько передают увлеченность Штрупа русской культурой и его педантичность. В конце концов, мы с редактором решили комментировать почти все незнакомые корейцам культурные

явления. Возможно, это привело к недоумению инфлэнсера, который был недоволен обилием культурных аллюзий и реминисценций в повести.

В заключение можно сказать, что издание повести Кузмина «Крылья» произвело двойственный эффект. Во-первых, оно позволило корейским читателям обратить внимание на гендерную тематику в русской литературе, на отсутствие которой Владимир Сорокин несколько лет назад сетовал на лекции в Сеульском университете. Во-вторых, благодаря знакомству с творчеством Кузмина корейская аудитория постепенно стала интересоваться такими писательницами и поэтессами, как З. Н. Гиппиус, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и др., которые при описании культуры серебряного века всегда были отставлены в сторону из-за Андрея Белого и А. А. Блока. Можно надеяться, что это явление в свою очередь расширит понимание корейцами русской культуры начала XX века.

¹ Кузмин М. Крылья / Пер. Ли Джонг Хён. Сеул: QQ, 2021.

² «Как люблю я, вечные боги...» из «Александрийских песен» и «Купанье» из «Занавешенных картинок» напечатаны в «Антология мировой квір-поэзии: Дай нам поцеловаться» (Сеул: QQ, 2017). А «Венецианские безумцы» включены в «Сборник драматических произведений русских символистов» (Сеул: Джиманджи, 2019).

³ Кузмин М. Проза и эссеистика. В 3 т. Т. 1. Проза 1906–1912 гг. / Сост. и коммент. Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак; вступ. ст. Е. А. Певак. М., 1999. С. 78.

⁴ 라블레, 보안책방.

⁵ 무지개 신학교. Это на корейском означает «Радужную семинарию». Как известно, здесь «радуга» – символ нетрадиционной сексуальной ориентации.

⁶ Кузмин М. Проза и эссеистика. Т. 1. С. 82–83.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ Там же. С. 94.